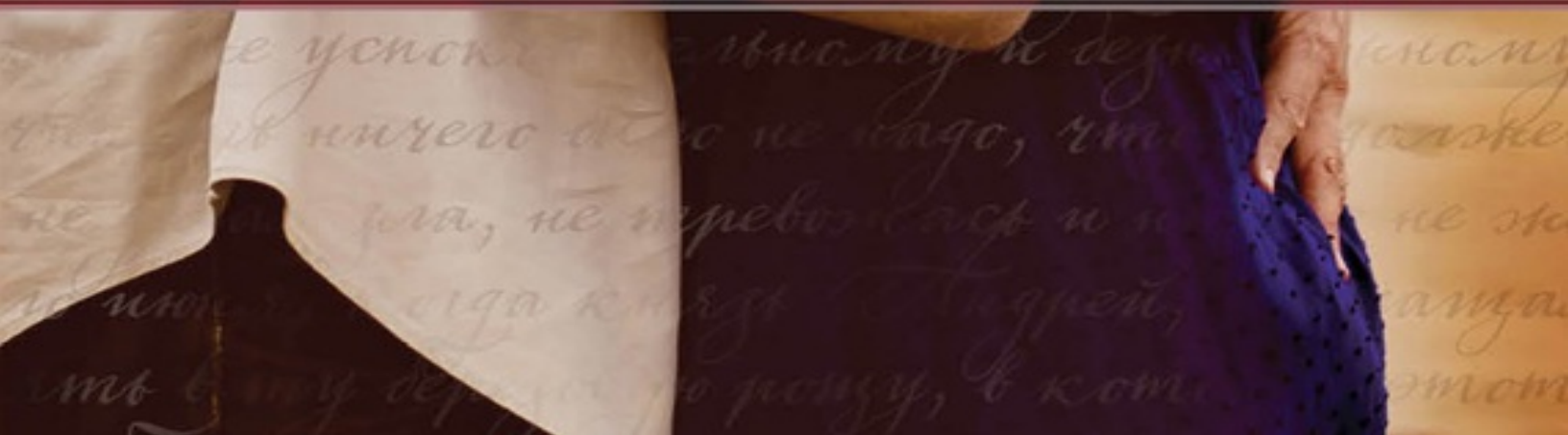




ВЕРА КОЛОЧКОВА

ЗИМА ДЖУЛЬЕТТЫ



Annotation

Если представить, что шекспировская героиня не умерла, а осталась жить, но без Ромео, — какой бы она была в зрелости? Возможно, такой же, как героиня нового романа Веры Колочковой Юлия, оставшаяся вдовой, еще когда ее сын не родился?.. Мечтала бы Джульетта пережить в своей жизни любовь еще раз или так и жила бы памятью о своем потерянном возлюбленном? Какой была бы ее осень? А зима?.. Что может быть печальнее на свете... зимы Джульетт?! Юлия, суровая и стойкая женщина, в одиночку вырастившая сына, давно убила в себе все мечты о любви, она ее не ждет... Но любовь, как подснежник, пробившийся в снегу во время оттепели, проросла в ее душе и растопила лед, давно заморозивший сердце...

Вера Колочкова

Зима Джульетты

© Колочкова В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Увы, любовь желанные пути
Умеет и без глаз себе найти!*

Уильям Шекспир.

Ромео и Джульетта

— Мам! Я серьезен, как никогда! Я люблю ее! Я действительно хочу на ней жениться.

— Что?! Что ты сказал?

— Ничего страшного не сказал, по-моему. Должен же я когда-то жениться.

— Значит, все-таки должен? Или любишь?

— Люблю. И женюсь. Такой вариант тебя устраивает? И не надо смотреть на меня глазами оскорбленного бультерьера.

— Глазами... кого?! Бультерьера?

Юля задыхнулась, глянула на сына обиженно. Не хватало еще в разговорах меж ними собачьих сравнений. Докатились.

— Нет, ну ты совсем обнаглел, Гош... Мать бультерьером назвал. Спасибо, сынок.

— Ой, мам, прости. Я ж не думал, что ты такую болезненную реакцию выдашь.

— Это не болезненная реакция, к твоему сведению. Это растерянная реакция.

— Да какая разница.

— Есть, есть разница. Хотя — кто знает?.. Когда вот так обухом по голове тюкают, очень болезненно получается. Да, да, ты прав. Если обухом, то болезненно...

— Ой, ну каким, каким обухом? Где ты увидела обух, покажи мне его? Тоже, сделала из меня Раскольников, обухом ее по голове тюкнули... И вообще, хватит придуриваться, чего на тебя вдруг такая вредность накатила? Другая бы мать радовалась.

— А чему тут радоваться? Не узнал человека, не видел в критических обстоятельствах. Вообще ничего про эту Варю не знаешь. И вдруг бах — женюсь.

— Да зачем мне ее критические обстоятельства? Я же на ней женюсь, а не на критических обстоятельствах. И вообще... Какой-то неприятный у нас разговор получается, не нравится мне.

— А мне-то как не нравится, если б ты знал.

— Мам... Я тебя очень люблю, но... Давай договоримся, что со своими чувствами и поступками я сам разберусь, ладно?

— Ты мне тоже не чужой человек, Гош.

— Значит, тем более. Ничего страшного не происходит, мам, правда. Я нормальный мужик, на нормальной девчонке жениться собираюсь. Или хочешь, чтобы я нашел себе подружку из тех... Которые с бородой да с песнями? Вот это уже был бы полноценный обух, не спорю. Но я ж на Варю женюсь! На хорошей девушке, во всех отношениях положительной. Без бороды, без песен. Нет, не понимаешь ты своего счастья, разбаловал я тебя.

Вот тут бы ей рассмеяться навстречу его неуклюжему шутовству да опустить пониже тональность неприятного, в общем-то, диалога. Но не смогла с собой совладать. Не смогла, черт возьми, не смогла! Понесло изнутри нотой утробного недовольства, и выстрелила сердито, в самом деле, как бультерьер:

— Эта Варя совсем тебе не подходит, совсем. Как бабушка говорила — не пришей кобыле хвост. Не подходит. Совсем не подходит.

Гоша весело и насмешливо поднял брови вверх, вроде того — все понятно с тобой, дорогая мамуля. И выждал, поганец, паузу, глядя на нее снисходительно. Будто она не матерью ему была, а глупой младшей сестренкой. Будто не он только что ее огорошил, а она ему объявила о скороспелом дурацком замужестве. Еще и протянул тихо:

— Ну-у-у, мам... Эк, тебя понесло.

— Ой, только не думай, пожалуйста, что я ревную! — взвилась Юля быстрым гневом, уже понимая, что сын прав... Прав, прав, надо признать. И впрямь понесло. И не просто понесло, а именно с ревностью «эк, понесло». Но отступать все равно уже поздно. Насмешливость оппонента — не тот плацдарм, на который можно отступить.

— Не ревнуешь, значит? — вкрадчиво переспросил Гоша.

— Еще чего! Нет, конечно!

— А я думаю, вопрос именно в этом. Ревнуешь, мам, еще как ревнуешь, просто перешагнуть через материнскую ревность не можешь. В ступор вошла и не можешь. Это у нас семейная черта — до конца стоять на своем, даже если чувствуешь, что не прав.

— Ты так считаешь, да? Такая у тебя мать глупая курица, да? Ну, спасибо, сынок...

— Не обижайся.

— Вот еще! Дело совсем не в ревности и тем более не в моих обидах. Просто я хотела сказать, что... Что...

— Ну что — что?

— Что это в принципе неудачная затея...

— Затее? О, какое хорошее словцо. Для женитьбы — прям самое то. Лучше не придумаешь! А что, класс! Затеелся я как-то жениться, да мамка меня отговорила. Забавно звучит, не находишь? Хм, затея... Надо же.

Гоша смешно пожевал губами, пробуя на вкус «хорошее» словцо, и сморщился, будто собираясь его выплюнуть. Юля, глядя на него, произнесла тихо, со вздохом:

— Да хватит ерничать, хватит... Если хочешь, я могу объяснить, почему тебе Варя не подходит. Повторяю — если хочешь, конечно. А не хочешь, так и не буду.

— Да отчего ж? Давай, объясни, пожалуйста. Очень даже любопытно. Заодно и выговоришься, может, полегчает.

— Ладно, попробую. Хоть и хамишь напропалую, но я все же попробую.

Юля замолчала столь многозначительно, будто и впрямь в голове роилась масса доводов, объясняющих «неудачную» сыновнюю затею. На самом деле не было там, в голове, никаких доводов. Много чего было, а доводов не было. Страх за сына был, например. Обыкновенный страх, сермяжный и глупый. Да, а куда от него денешься? Он в каждой матери живет и по-

всякому проявляется, между прочим. У кого-то сидит внутри и затаился на краешке подсознания, и ждет удобного случая, чтобы отнять сына себе обратно у коварной захватчицы. А у кого-то сразу наружу выскакивает и начинает корчиться в падучей, как у нее, например. И это еще поспорить можно, какой страх честнее. Хотя — какая разница, в общем... Все материнские страхи корнями из одного места растут. Из любви. Не протянешь руку и не выдернешь, как сорняки из грядки. А если прибавить к этому страху собственное одиночество — почти потенциальное? Как жить одной, без Гоши? Ждать, когда одиночество перейдет в сумеречно неприкаянное состояние? Ой, лучше не надо... Лучше пусть за руку возьмет — и на Фудзияму ведет помирать, как делали раньше со стариками родителями в Японии. Правда, до старости еще далеко, семь верст киселя хлебать. Но все равно! Если он так... Пусть за руку — и на Фудзияму!

А молчание-то затянулось, хоть и многозначительное. Пока она внутри сама с собой капризы разводит, Гоша послушно ждет, думает, мамка с мыслями собирается. Ага... Эгоистка у тебя мамка, Гоша, жалкая и перепуганная эгоистка!

Ладно, хватит себя ругать, поздно. Пора голосок подавать, чтобы совсем уж материнский авторитет не обрушить. Сама виновата — зачем в тему ввязалась? Помолчать мудро и поматерински не могла? Вот и пляши на сковородке, как сорокапятка. Вернее, пробуй объяснять. Вернее, придумывай объяснения на ходу и очень быстро. Она ведь всему и всегда умела находить объяснения, особенно, если в этом назревала крайняя необходимость. Жизнь научила — надо уметь вертеться на горячей сковородке...

— Сынок, вы так мало с этой Варей знакомы... Хотя я предполагаю, что ты мне на это ответишь. Да, дело в не сроках знакомства, конечно. Можно годами узнавать человека и так до конца его и не узнать. Нет, нет, дело в другом...

— Мам, не напускай туману, давай конкретику. Желательно по пунктам и с аргументацией. Почему, по-твоему, Варя мне не подходит?

— Хорошо, хорошо... Скажи мне, Гош, Варя ведь с мамой живет, да?

— Ну да...

— Насколько я обладаю информацией, она очень давно живет с мамой? То есть отца у нее не было?

— Почему — не было? Был... Не от святого же духа дети рождаются. Был, но ушел из семьи, когда Варюхе то ли пять лет было, то ли шесть... В общем, соплячка еще была. Она его и не помнит почти.

— Значит, ее одна мама воспитывала?

— Ну да... А к чему ты клонишь, не пойму?

— И замуж ее мама больше не выходила? И отчима у Вари не было?

— Да нет же, говорю тебе!

— Во-о-от... Во-от! Вот тут собака и зарыта, Гош! Очень опасная собака!

— Не вижу на горизонте никакой собаки, мам. И вообще... Какая связь?

— А такая. Самая примитивная, но железно непробиваемая. Дело в том, что девочка, выросшая без отца, никогда не сможет построить нормальную семью, понимаешь? Такая девочка умеет жить либо одна, либо с мамой. Нет, она, конечно, очень хочет жить с мужчиной, чтобы все как у всех... Но не получается у нее. Не умеет. У нее стереотипы полностью отсутствуют, понимаешь? В психической природе навыка к полноценной семейной жизни не заложено. И результат всегда один и тот же выходит — весьма плачевный... Такой брак заранее обречен на неудачу.

— Да? И откуда ты постулаты такие выкопала, интересно? Из Домостроя? Или из телевизора об этом рассказывали? Смешно же, мам.

— Нисколько не смешно. Потому что это правда, сынок.

— Хм... Правда, говоришь? А как насчет мальчиков?

— Не поняла... Каких мальчиков?

— Ну... Если следовать этой твоей логике... Я ведь тоже...

— Что — ты тоже? При чем тут?..

— Ну, ты же так уверенно декларируешь про стереотипы, про навык к полноценной семейной жизни! Можно подумать, будто я рос в семье, где отцов и отчимов было — завались сколько! У меня ж тоже... Как это... В психологической природе навыка не заложено! Так что мы с Варюхой на равных условиях. Она без навыка, я без навыка... А дальше уже — чистая математика! Отсутствие навыка, помноженное на отсутствие навыка, дает положительный результат! И весь твой Домострой и телевизор летит к черту! Или по твоей логике как-то по-другому получается и отсутствие отца либо отчима в семье мальчика за исходную точку не принимается?

— Георгий! Прекрати сейчас же! И вообще... замолчи! Ты что, совсем не чувствуешь, как сильно меня обижаешь? Что за тон ты взял? Да как ты можешь... Ты же знаешь прекрасно, что... Ты же все, все про меня знаешь... И про отца...

Юлин голос звенел слезой, но она знала, что не заплачет. Позвенит голос и перестанет, и ничего. Слезы — это ж откровенно гнилой аргумент в любом споре, чистой воды шулерство. Но и то, как сын яростно бросился на ту сторону баррикады, ей совсем не понравилось. И потому замолчала, отвернулась к окну, переплела руки королевой под грудью. Дурацкая такая королева, простоватый бабий жест, совсем ей не свойственный. Говорят — вдовой. Но ведь она и есть вдова. Если по большому счету, без допущений. Нельзя же сказать про женщину — почти вдова или неофициальная вдова.

— Извини, мам. Я совсем не хотел тебя обидеть, извини, пожалуйста.

Голос у Гоши прозвучал мягко, виновато. Можно сказать, проникновенно. Она хотела было повернуться к нему от окна, махнуть непринужденно рукой, разлепив свою дурацкую королеву, и улыбнуться, и сказать что-нибудь хорошее, ничего, мол, бывает, обоих нас понесло, только в разные стороны. Но Гоша вдруг заговорил снова:

— И тем не менее, мам... Давай сделаем так — будем считать наш разговор неудавшимся. Не знаю, может, у тебя сегодня настроение плохое. Но ты все равно должна принять мое решение, я прошу тебя, постарайся, пожалуйста. Ты же у меня умница. Я вообще удивляюсь, что на тебя нашло.

— Тебе этого не понять, сынок.

— Почему? Я прекрасно все понимаю! Да, тебе не просто меня отпустить. Ты привыкла, я привык. Мы замечательно жили с тобой на общей родственной территории. В любви, в понимании, и котлетки у тебя вкусные. Ты не думай, я очень это ценю.

— Что ценишь? Котлетки?

— Ой, зачем ты так? Хватит, а? Ну да, трудно, но не смертельно же!

— Да не о моих трудностях речь, как ты не понимаешь. Как раз о твоих трудностях, которые ты сам себе старательно готовишь. Ну вот скажи... Что, обязательно в загс бежать, да? Оно тебе прям приспичило? А просто встречаться нельзя, что ли? Влюбился — так и люби. Я же не против. А брак — это другое, это серьезно, это большая ответственность! Откуда у тебя такая стремительность взялась? Или... Или?!

Спина у Юли напряглась, но от окна она так и не повернулась. Дыхание вдруг перехватило. Но Гоша понял ее с полуслова. Он всегда понимал ее с полуслова.

— Нет, мам, Варя не беременна. В том-то и дело, что я просто так женюсь, по свободному волеизъявлению. Можно сказать, в кайф женюсь.

— Что значит — в кайф?

— Это значит, по любви. И больше нет других поводов. И этим все сказано. Тебе придется меня отпустить, мама. Ну... Давай будем считать, что я просто поставил тебя в известность, если по-другому не хочешь принять... Хорошо, мам? Только без обид!

— Хорошо. Как скажешь, Георгий. Будем считать, что ты поставил меня в известность. И на том спасибо.

— Ма-ам... Ну что ты, в самом деле, опять начинаешь.

— Все, Георгий, все. Наш неудавшийся разговор закончен.

Он стоял, ждал, когда она обернется. Не обернулась. Замерла перед окном как статуя Командора в голубом домашнем костюмчике. Подтянутая, стройная, с вихорками модной стрижки на затылке. Друзья ему всегда завидовали — такая молодая и клевая мать, такая продвинутая. Вот вам и продвинутая! Уперлась с ревностью, как домогостроевская дремучая баба. Еще и это холодное напоследок — все, Георгий, все...

Она очень редко называла его Георгием, только когда морозилась. Вообще-то в обычной их домашней жизни, гармоничной и отнюдь не морозной, он был просто Гошей. А еще чаще — Гошиком. А он называл ее Мамьюль. Просто соединилось в одно от мамы Юли, и получилось Мамьюль... Уютное, дорогое, округло ласковое, как пушистый помпон на ее домашних шлепанцах, как всегда свежее полотенце в ванной, как чистая наглаженная рубашка по утрам, как сырники на завтрак да изумительной вкусноты котлетки на ужин.

Да, жили, как говорится, не тужили. Росли корнями из одной лунки. Без всяких там комплексов, о которых любят потрындеть зануды психологи. Хотя... Теперь выясняется — были комплексы, что ли? Затаились и не показывались, а сейчас вылезли и расцвели махровым цветом? Да ну, ерунда... Просто Мамьюль во временном ступоре пребывает. Очнется, и все будет хорошо. Они же всегда понимали друг друга. Они мать и сын, одна семья, хоть и фамилии у них разные. Мама Симонова, а он — Луценко. По отцу. Которого, кстати, Гоша никогда не видел...

Да, зря он ее сегодня поддел относительно его отсутствия. Некрасиво получилось. Она ж ни в чем не виновата. Она ж наоборот, получается, героиня. Совсем юной вдовой осталась. Беременной.

Он с детства знал, что его отец был самым хорошим, самым лучшим. И что отец погиб. Ему рассказывали. И каждый год был особенный день весной — день поминовения. Скорбный, торжественно молчаливый, с богато накрытым столом, со скорбными лицами мамы, бабушки и ее сестры тети Люды... Годы шли, а лица в этот день были одинаково опрокинутыми. И портрет отца всегда на стене висел. Настоящий, масляными красками писанный по отцовской фотографии, бабушка специально к хорошему художнику обращалась. Красивый на портрете был парень, длинноволосый по той моде, белокурый, голубоглазый, как викинг. Жаль, что погиб. Тут уж мать нельзя обвинить в пресловутых фантазиях про героического летчика-испытателя или не вернувшегося из дальних морей капитана дальнего плавания. Был, был отец, хороший парень Саша Луценко, мамин однокурсник, альпинист-любитель. Сорвался на Эльбрусе в расщелину и свадьбу с беременной мамой сыграть не успел. Вот тогда бабушка, то есть мама погибшего жениха,

позвала маму жить к себе. А мама и пошла, потому что идти ей было некуда.

Вообще, если честно, история для Гоши не совсем ясная была, что-то они, мама с бабушкой, все время недоговаривали. Однажды, правда, тетя Люда сказала что-то такое насчет мамы — вроде того, могла с абортom успеть, срок еще маленький был. Нет, не с досадой сказала, наоборот, с гордостью за маму. И вздохнула, и его, маленького, по голове погладила. Выходит, мать и впрямь подвиг любви совершила? То есть во имя любви?

Нет, а кто посмеет сказать, что это не подвиг? Да, со свадьбой не успели, но любовь-то у них была! Настоящая, большая, как у Ромео с Джульеттой! А он, выходит, результат любви и подвига. Наверное, это неплохо в конечном итоге — быть результатом большой любви. Говорят, дети качественные рождаются. Хотя бы внешне.

Что ж, в этом смысле судьбу гневить не приходится, внешне он вполне симпатичный парняга получился, по имени Гоша Луценко. Даже похож немного на того, популярно киношного и ужасно обаятельного почти тезку, подумаешь, первой буквой в фамилии не совпадает! И Варя говорит — похож... Ну, может, уверенности в себе поменьше и до брутальной лысины еще далеко. Зато обаяния — хоть отбавляй. Так Варя говорит. И даже смеется при этом — ничего, мол, скоро перешагнешь за тридцатник, там и лысина сама собой организуется... А пока терпи, совсем немного осталось! Варя... Забавная она все-таки... Кстати, а ему ведь бежать пора! Договорились в семь встретиться, а стрелки на часах половину седьмого показывают!

Дернулся было Гоша к двери, но остановился. Мама... Она ж так и стоит у окна... Вот же вредный Мамьюль какой!

— Мам! Ты в порядке? А то мне уходить пора. Меня Варя ждет.

— Иди... Хотя погоди! Задержись еще на минуту. Успеешь. Уж извини, что я тебе об этом напоминаю. Ты, случаем, не забыл, что уже был женат однажды? Я, например, не забыла. Помнишь, как ты выбирался из этого ужаса? И я... Как потом в себя приходила... Ты помнишь? Я уж не говорю, что случилось с бабушкой.

Он ничего ответил. Зачем, зачем она?!. Договорились же — никогда не вспоминать. Получается, удар ниже пояса.

— Ладно, мам, я пошел.

— Обиделся, да? Ну и зря. Ведь это было, правда, было!

— Давай потом об этом поговорим, если уж ты... А сейчас не могу. Опаздываю. Все, я ушел.

Уже в дверях толкнулся в спину ее досадливый тихий голос:

— Обиделся все-таки...

Значит, обернулась от окна. Ну, теперь уж все равно. Наверное, снова отвернется к окну, будет смотреть, как он в машину садится, как со двора выезжает. А еще — будет ждать, что он махнет рукой по привычке.

А может, ну ее, эту машину? Хочется пешком пройтись, переварить неприятный диалог с матерью. Нет, как она его напоследок-то... Финкой меж ребер. Не забыл, говорит, случаем, что уже был женат однажды? Даже звучит раздражающе, врежется сверлом в голову — ж-жженат... уж-ж-же... однаж-ж-ж-жды...

Не забыл, конечно. Такое разве забудешь. Глупый студенческий брак, по глупому залету. То есть по обманному залету. То есть, никакого залета вообще не было. Купила его Элка придуманным залетом с потрохами, и маму с бабушкой тоже купила, всех за рубль двадцать взяла, чертова кукла.

Да, звали ее не как-нибудь, а вполне литературно карикатурно. Красивое имя — Эллочка. Эллочка-людоедка. Еще и фамилия была под стать — Волкова. Снаружи аппетитная конфетка в розовом фантике, а разверни... Бабушка, бабушка, отчего у тебя такие большие зубки? А чтобы аккуратнее тебя съесть, Красная Шапочка! Нет, как его угораздило вляпаться? Волка под чепчиком не разглядел.

Впрочем, чего он там мог разглядеть, обалдуй-первокурсник, направляемый обезумевшими гормонами, да еще и на фоне обильной выпивки. Взрослым себя почувствовал — студент! Надолго из дома вырвался! Мамьюль с таким трудом организовала ему липовую справку о состоянии здоровья, так нет же, пренебрег ее материнской заботой, сам напросился в деканате на студенческую «картошку», на эту обязательку для первокурсников, как на праздник! Все они тогда друг перед другом выпендривались, показывали себя, кто на что способен. Знакомились. Приглаждались. Все-таки пять лет в одной группе учиться... И обстановка для пригляда и выпендрежа была соответствующая — деревня Коптелово с ее бескрайними картофельными полями, и месяц сентябрь, теплый и дымчатый от ночных костров, и группа пополам девчонко-мальчишковая, и гитара, и дурная водка из деревенского магазина, и отвратительно ржавая селедка с какими-то печенюшками вместо хлеба... Да, помнится, в магазине даже хлеба не было. Романтика, блин. Говорят, сейчас в институтах всю эту картофельную ботву отменили. Правильно сделали, между прочим. Спасли техническую интеллигенцию от вырождения.

Однажды они с Элкой вместе проснулись в стоге сена. Каким образом туда забрели — не вспомнили оба, как ни старались. Тем более объекты желаний для подобного пробуждения у них были разные: Элка с ума сходила по Косте Лихачеву, самому яркому в группе парню и самому «на гитаре играющему», а ему нравилась тихая Оля Сеницына, умненькая и красиво задумчивая, которая ни за какие коврижки не отправилась бы ночевать за здорово живешь в какой-то стог сена.

Обратно в деревню шли молча. Он мучился похмельным беспомыслием, поглядывал на Элку сбоку, все хотел спросить как-то поаккуратнее — было, мол, не было?.. Так и не спросил. Ответ на этот вопрос остался тайной за семью печатями. Скорее всего, и не было ничего. Просто Элка запомнила его воровато виноватые взгляды, сложила их в коробочку на дно памяти. А потом достала, когда надобность появилась. И выросла из надобности повесть-легенда в Элкиной людоедской головке, как развесистая клюква в саду, неприятная в доказательствах и потому особенно наглая.

После вся группа глядела на них с ехидным пониманием. И Оля Сеницына тоже глядела. Только без ехидства. Очень грустно глядела. Разочарованно. И ведь не докажешь ничего. Тем более он уехал скоро. Бабушка заболела, Мамьюль позвонила в деканат, отпросила его с «картошки». А потом как-то закрутилось... У него первые лекции начались, потом бабушке серьезную операцию сделали, потом послеоперационный период был, пролетели в заботах дождливые и снежные ноябрь с декабрем. Не до Элки было. Даже не до Оли Сеницыной. Сессию бы не завалить.

Элка училась плохо. Туповатая оказалась на учебу. Странно, что она вообще в институт поступила. Понятно, что не на бюджетное место, но все равно... Соображать же надо, что

способности к точным наукам в дурную голову вместе с ежемесячным платежом не начисляются. Платежи платежами, а сессия сессией. Ее, сволоочь такую, хоть и в умело преподавательской подаче, то есть вместе с ласково подстеленной для «не бюджетника» соломкой, но все равно сдавать придется. Вот и завалила Элка экзамены все до единого, умудрилась-таки, даже счет ни одним хилым тройком не размочила. Ребята из группы после новогодних праздников собралась в общаге последний экзамен отмечать, а она сидит на своей кровати, рыдает...

И опять его понесло к ней в комнату по доброте душевной. Завалился с бутылкой вина, с нарезанной колбасой на тарелочке:

— Элк... Хватит реветь. Давай лучше выпьем. У тебя стаканы в хозяйстве найдутся?

— С какой это радости? — всхлипнула она, утирая ладошкой черные от туши разводы под глазами. — Это тебе можно пить, жизни радоваться. Сессию на одни пятерки сдал, и вообще, весь в шоколаде.

— Чего это я вдруг в шоколаде? Из какого места у меня шоколад вылезает?

— Конечно, в шоколаде! Давай не придуривайся, я же все про тебя знаю! Мы все почти общежитские, а ты городской. И одет всегда хорошо, и видно, что по утрам булкой с маслом питаешься. И квартира, говорят, хорошая.

— И это весь шоколад, что ли? Да брось, Элка. Одет я в обычные шмотки, булки с маслом терпеть не могу, а квартира... Она ж не моя, ты чего. Я в этой квартире живу на хлебах у мамы да бабушки. Тоже мне, шоколад! Скорее уж тарелка борща со сметаной или карамелька с повидлом!

— Да ты иди эти сказки другим рассказывай, а мне не надо! Стоит, прибедрнется, карамелька с повидлом, ага... Все вы здесь такие, разбалованные, сами своей жизни не понимаете. Это ж такое счастье — жить в городе, в благоустроенной квартире. Мне и не снилось. Мне вон придется теперь пилить в свою деревню, меня отчислять собираются. Слышал? Скоро приказ будет.

— Да брось... Сходи в деканат, упади в ноги, пусть разрешат пересдачу.

— Нет, бесполезно, я уж ходила... Тем более в моем положении.

— А что у тебя за положение? Не понял.

Элка икнула слезно, уставилась куда-то в угол, сморгнула короткими мокрыми ресничками. Прикусив губу, простонала тихо, утробно и так жалобно, будто ее долго били вусмерть, прежде чем вырвать признание:

— В общем... Я тебе не говорила, Гош... Я не хотела... Я ведь беременная, понимаешь... Ну то есть помнишь... Там, на картошке? Это в самом конце сентября было, помнишь?

Он сидел перед ней на корточках, держа на весу бутылку и тарелку с нарезанной колбасой. Колбаса была «Московская», с крупными крапинами белого жира, пахла сытно. Странно, что он чувствовал ее запах. Кроме запаха, вообще ничего не чувствовал. Тело замерло в ужасе, окаменело, и в голове было пусто и звонко, и единственная эмоция, что выбралась через ужас и хмель наружу, была обида. Детская обида — как же так-то, ведь это все давно было? Конец сентября! Он уж забыл, успокоился.

— Как же так, Элка? — повторил вслед за своей обидой, морщась от боли в затекшей ноге и вдруг сильно раздражаясь от сытного колбасного запаха. — Как же так... Это что же... Ты хочешь сказать... Три месяца уже?!

— Ну да... Чуть больше даже... Я не знаю, я у врача не была. Хотела аборт сделать, все

думала, вот сейчас пойду. Вот завтра... Вот послезавтра... Так и дотянула... Что, что мне делать, Гош?! Ой, а когда мать узнает... А бабка! А сестра старшая! А тетка! У меня же половина поселка родственников! Ой... Ой-ой-ой... Я ведь им должна буду все рассказать... И про тебя тоже... Они ведь к твоим приедут, Гош! Они такие!

— В смысле — к моим? К кому — к моим?

— Ну, к родителям... У тебя кто? Мама и папа?

— Нет. Мама и бабушка. Мы ее вчера из больницы привезли. Ей операцию делали очень сложную...

Он с трудом поднялся с корточек, глянул на Элку сверху вниз умоляюще, будто хотел вымолить индульгенцию для бабушки. Потом устыдился вдруг. Ведет себя, как сопливый нашкодивший пацан. Бабушкиной операцией решил прикрыться. Отец будущий. Надо же не прикрываться, а решение какое-то принимать! Но — какое? Какое тут может быть решение? Жениться на Элке? Ой нет... Он и не любит ее совсем. Или ради ребенка — надо? Что, что делать-то полагается в таких случаях?

— Я... Я что-нибудь придумаю, Элк. Я пока не знаю... — тихо проговорил он, пятясь к двери и сильно сжимая в пальцах бутылочное горлышко. — Ты прости, я пока не готов... Растерялся как-то. Мне надо одному побыть... Осознать... Я пойду, ладно? Но ты не бойся, я не сбегу... Я что-нибудь придумаю, обязательно придумаю...

Тарелка с колбасой вывернулась из пальцев уже в дверях, грохнулась на пол и не разбилась. Грубо сработанная, фаянсовая, столовая. Подребезжала немного и затихла. Значит, не будет счастливого решения. Да и какое может быть в этой ситуации счастливое решение?

Он быстро переступил через кружочки рассыпанной по линолеуму колбасы, вышагнул в коридор, не оглядываясь. Очень хотелось на морозный воздух. Скорее, скорее. Чтобы голову обдуло. Чтобы протрезветь.

Последняя мысль еще больше его напугала. Трезветь не хотелось. Автоматически поднес к губам бутылочное горлышко, сделал несколько торопливых глотков, закашлялся. Шел по общежитскому коридору, то ли кашлял, то ли рыдал от страха.

Ой, если вспомнить себя того... Стыдоба. Молодой еще был. Первокурсник. Мамин сынок, бабушкин внучек, на чистом сливочном масле да на Майн Риде с Джеком Лондоном воспитанный. Такого вокруг пальца не обвести — себя не уважать.

Не знал он тогда, что подобными вещами вообще можно как-то манипулировать. Растерялся. Не учел Элкиной наглости и глупости, опыта не было. Это уж потом понял, что бабья глупость и наглость — величины прямо пропорциональные. Как мудрость пропорциональна порядочности. Не всегда, конечно, но зачастую.

Отдельная песня была о том, как он сдавался маме с бабушкой. Сидел перед ними, опустив голову, бормотал невесть что. Слова выходили какие-то неправильные, и звучало жалко и глупо. И про «картошку», и про Элку, и про «сам не знаю, как получилось». Последнее вообще стало рефреном его виноватого выступления. Потом поднял на них глаза...

У мамы на лице была написана озадаченность. Вовсе не обвинительная в его сторону, а просто — озадаченность. Будто он заболел и рассказал ей о симптомах болезни, а она решала, к какому врачу лучше обратиться и где его взять, чтобы хороший в своем деле специалист был. Но бабушка... Лучше бы он и не смотрел ей в лицо. Нет, и на нем тоже не было ни презрения, ни обвинения... Было другое, еще хуже. На лице у бабушки был написан

торжественный ужас. И озабоченная сосредоточенность. И проговорила она тоже весьма торжественно, распрямив спину и указав на него перстом, как царица Савская:

— Будем играть свадьбу, Георгий!

— Елизавета Максимовна... О чем вы? Какая свадьба? — выныривая лицом из своей озабоченности, тихо спросила мама.

Бабушка повернула к ней голову, смотрела долго и многозначительно. А мама смотрела на бабушку. Тоже многозначительно. Так они вели взглядами свой молчаливый диалог минуты три. Потом мама на тихой истерике произнесла вслух, почти сдаваясь:

— Да, да... Но при чем здесь Гоша, Елизавета Максимовна? Это же другое совсем... У нас с вашим сыном любовь была, взаимное чувство. А тут.

— Какая разница, Юля. Ребенок не должен страдать. Ты что хочешь, так же потом, как я, всю жизнь себя казнить? Нет, Юля, нет. Нельзя по-другому. Я вот хотела по-другому и сына потеряла. Да что я тебе буду доказывать, ты и сама все знаешь! Нет, Юля, нет!

— Но, Елизавета Максимовна! Это не тот случай! Даже близко не тот! Да и не виноваты вы ни в чем.

— Я сказала, будет свадьба! Пусть женится!

— Но он ее не любит!

— Зато ребенок будет расти с отцом! Твой внук, Юля. Или внучка. И ничего Георгию не сделается. Главное, он живой и здоровый, и при тебе... А мой Сашенька...

Бабушкины губы задрожали, и мама смолчала. Потом поднялась с места, подошла к бабушке, огладила по плечу. И вздохнула грустно.

Он тогда и внимания не обратил на подоплеку этой меж ними недоговоренности. Потому что, странное дело, но ему вдруг легко стало. Будто гора с плеч свалилась. Наверное, доминанта воспитанной с детства порядочности взяла верх. Так всегда бабушка говорила — ты должен вырасти порядочным человеком, как твой отец... Да, пусть лучше будет порядочность, черт с ним со всем! Даже в ущерб себе! Свадьба так свадьба, Элка так Элка!

— Мам, бабушка... Я женюсь, ладно. Я решил.

— Молодец, Георгий. Ты настоящий мужчина, — без особого энтузиазма отозвалась бабушка.

— Не надо, сынок... — тихо вздохнула мама. — Можно ведь как-то по-другому. Помогали бы, алименты платили.

— Нет. Все, я решил. Женюсь.

Да, ему легче стало. Только на краешке подсознания билась испуганная мыслишка — неправильно все это. Бред, бред какой-то. Надо немедленно все прекратить. Встать и уйти, хлопнув дверью. Но куда уйти? Сбежать от проблемы? И кому — хлопнуть дверью? Маме и бабушке, которые его проблему, дурака инфантильного, как-то решают? Пусть и неправильно?

Потом он привел Элку в дом. Встретили ее ласково, мама назвала Эллочкой, а бабушка — деточкой. Мама по настоянию бабушки нашла знакомых в загсе, их расписали через неделю. И свадьбу сыграли, скромную, но с нашествием деревенских родственников. Они сидели за столом, важничали изо всех сил, пытаясь показать, что тоже не ликом шиты в части «культурности приличного застолья», как выразилась одна из Элкиных бойких теток, и в то же время страстно ощупывали его глазами, будто примериваясь, какой кусок и с какого боку получше оттяпать. Впрочем, это потом выяснилось, что относительно «оттяпать» у них были совсем другие намерения. У вампиров этих.

После свадьбы молодая жена сразу вошла в конфронтацию и обструкцию с мамой и бабушкой. Без промедления, можно сказать, ввинтилась штопором. Ввязалась в бой. Гоша сам при этом не присутствовал, в то утро на лекции в институт убежал. Но мама рассказывала, как Элка после его ухода вышла из комнаты, села на кухне пить чай и заявила с ходу:

— Хорошо, что вы сегодня дома, Юлия Борисовна. Надо бы с вами срочный вопрос порешать. Ну и с вами тоже, Елизавета Максимовна.

— А что такое, деточка? — ласково подняла брови бабушка. А мама насторожилась.

— Надо бы квартиру разменять срочно. Хочу, чтобы ребенок в нормальных условиях родился. Что мы тут с Гошей у вас...

— То есть как это... разменять? — все еще улыбаясь, подняла брови бабушка.

— Ну как, как... — по-деловому подступила к вопросу Элка. — Вам на двоих однушку, а нам на троих с Гошей и с ребенком двушку. Это будет по справедливости, я считаю.

— Господи, деточка... Да что ты такое говоришь?.. Не понимаю, чем мы тебе не угодили, — тихо проговорила бабушка, хватаясь за сердце.

А мама хвататься за сердце не стала. Отставила от плиты сковородку с сырниками, повернулась к Элке, глянула ей прямо в глаза и заговорила четко, громко, почти по слогам, как с недоумком:

— Послушай меня, Элла. И уясни себе раз и навсегда. Эта квартира никогда меняться не будет. Эта квартира издавна принадлежала семье Елизаветы Максимовны. Здесь жил ее сын, отец Гоши. Эта квартира ей дорога как память. И даже не в этом дело... Не будет она меняться, и все. Вопрос закрыт, Элла. Ты меня поняла, надеюсь?

— Нет, ну... Как-то вы странно говорите... А зачем тогда меня прописали?

— Потому что ты вышла замуж за Гошу. Живи, рожай, радуйся жизни.

— Нет, ну... Странная вы какая... Мы же молодые, нам надо свое жилье! Тем более квартира ведь не приватизирована, ее можно разменять на две муниципальные... Я знаю, мне мама говорила. А она ходила к юристам консультироваться. Они, между прочим, немалые деньги за консультацию берут.

— О, как интересно! Значит, твоя мама уже к юристам ходила! А ты не спросила, чего ради мама вздумала распоряжается нашей квартирой?

— Она, между прочим, не ваша. Она государственная. Так ей юрист сказал. Я уже и фирму нашла, которая занимается разменом таких квартир. Там и варианты уже подобрали. Есть квартиры свободные, и документы очень быстро сделают. У вас хорошая квартира, метраж большой, от желающих съехаться отбою не будет. Правда, денег ужасно много за срочность запросили, но мне мама обещала дать. Я с вас даже денег за размен не возьму!

— Элла, ты что, не понимаешь? Ты не слышала, что я тебе сказала? Я еще раз повторяю, вопрос закрыт. И больше никогда к нему возвращаться не будем. Запомни это.

— Нет, как это — не будем? Как раз и будем. Сегодня мама моя с тетей Зоей приедут. Где-то после обеда, наверное. С утра уже выехали. Пока из нашего поселка до города доберутся... На автобусе до станции два часа пилить, потом два часа на электричке... Вам хорошо, вы таких проблем не знаете, вы в городе живете, на автобусе до станции по грязной да ухабистой дороге не колыхаетесь. Вышли из дома — все рядышком, топай себе по чистому асфальту. Да, хорошо вам... Ну ладно, я пока к себе пойду. Спасибо за сырники, вкусные были. А маме с тетей Зоей я сама обед стотворю, вы особо не хлопчите. Продукты какие в холодильнике есть?

— Погоди, Элла... А Гоше ты уже озвучила свои наполеоновские планы? — встала у нее на пути мама.

— Нет. Зачем?.. Да кто мужика вообще спрашивает? Мне, главное, ребенка родить в нормальных условиях. Давайте потом поговорим на эту тему, ладно? Когда мама с тетей Зоей приедут. А то как-то несправедливо получается, я одна, а вас двое. Потом, ладно?

А потом был кошмар. То есть кошмар для бабушки с мамой. А для тещи с тетей Зоей — совсем наоборот, привычная ситуация. Особенно «свою тарелку» поймала тетя Зоя, женщина-кипяток. Да, такое чувство было, что все время бурлит в ней что-то шипящее, держит в скандальном тоне. Она даже ходила, слегка подпрыгивая, и все время дула на пальцы. И всем телом была направлена на скандал, то есть вперед, на врага: пузо — вперед, титьки — вперед, щечки — вперед...

— Да... Квартира у вас большая, хорошая, всем хватит... Хорошая квартира, хорошая, не жмитесь...

Она так и говорила — «квартира». Слышалось в этом что-то зловещее, хамски неуправляемое. Впрочем, так оно и было на самом деле.

— А вы как себе думали, баушка? — склонялась тетя Зоя насмешливо над сидящей в кресле Елизаветой Максимовной. — Думаете, если вы городская, так можете нашу Элку в служанках держать? Не, баушка, и не мечтайте. Еще не хватало, чтобы она за вами горшки выносила.

— Прекратите немедленно, что вы несете! Не смейте, слышите? — возмутилась мама, но тетя Зоя ее и не слышала. Вернее, слышала, конечно, но старательно игнорировала ее возмущение. Только на пальцы дула.

— Мы вам тоже хорошую квартиру подыщем, баушка, не переживайте. Где-нибудь на окраине, чтобы всегда свежий воздух был. И заживете там со сватьей нашей, Юлией-то Борисовной, красавицей писаной. Ишь ведь! Вроде мы с ней одноклассники, а выглядит как молодо. Это оттого, Юлия Борисовна, что работать ты не привыкла! Ни сенокоса не знаешь, ни огорода, ни стайки с навозом! Чего так на меня смотрите, баушка, разве я не дело говорю? А то приезжайте к нам в Охлопково, у нас тоже баушки есть... Будете на завалинке семечки лузгать да на печке косточки греть! А, баушка? А Юлию Борисовну за нашего агронома замуж пристроим. Он хоть и пьющий, но так в общем и целом хороший мужик. Нет, не хотите? Ну ладно...

В принципе, бабушка вообще плохо понимала, что происходит. Сидела в кресле, с удивлением глядела на Юлю.

— А я ведь сейчас милицию вызову, уважаемые... — зло, вкрадчиво прошелестела Юля, наступая на тетю Зою. — Вас отсюда выкинут в два счета и фамилию с адресом не спросят!

— Тю, испугала! — усмехнулась женщина, плюхаясь на диван. — Милицию! Мы, между прочим, не к тебе приехали, а к Элке. Она, между прочим, здесь законно прописанная!

— А кто ж ее здесь прописал, не вспомните?

— Так ведь и я о том же, милая Юль Борисовна! Ну сделала хорошее дело, и молодец. А ты бодаешься, как бешеная корова. Надо ж все мирно решить, по справедливости, чтобы всем хорошо было. Элка — она ж тоже человек... Тем более за твоего малахольного сынка замуж вышла, все честь по чести. Или ты хотела, чтобы он за изнасилование в тюрьму сел?

— Юль... Чего они хотят, объясни мне? Я никак в толк не возьму... — тихо и виновато проговорила из своего кресла бабушка.

— Чего хотят? Они хотят всего и сразу, и как можно больше, Елизавета Максимовна, —

рассеянно проговорила Юля, нажимая дрожащими пальцами на кнопки телефона и выискивая что-то в его памяти. — Не обращайтесь внимания, сейчас разберемся. Такое тоже бывает... Есть, есть еще женщины в русских селеньях... Живы-таки, курилки, ничем их не вытравишь, даже дустом... Вот и мы с вами на таких нарвались.

— А куда ты звонишь, Юля?

— Соседу с третьего этажа, Володе. Он же раньше в ОМОНе служил. Говорят, против лома нет приема, но я все же попытаюсь.

— Володе — это сыну Надежды Петровны?

— Да, да...

— Попроси, пусть Надежда Петровна придет, мне укол поставит. Что-то мне плохо, Юль... Давление поднялось... И найди там, на кухне, мое лекарство. Желтенькие такие таблеточки... Да ты их знаешь... Я с утра забыла выпить.

Она вдруг задышала прерывисто, со свистом, схватилась за сердце. Юля уже торопливо говорила по телефону с Надеждой Петровной, медиком, которая, будучи на пенсии, обслуживала соседок по дому, таких же пенсионерок-приятельниц.

Элка глянула на бабушку, трусливым зайчиком прыгнула к себе в комнату. Даже про маму и тетку забыла. Но те тоже быстро засобирались:

— Ладно, сватья Юль Борисовна, пойдем мы... Уж не останемся у вас в гостях, коли вы нас так неприветливо встретили. Уж приезжайте лучше вы к нам, уж мы с хлебом-солью... Чем богаты...

— Да идите уже, идите быстрее! — в сердцах крикнула из кухни Юля, где отыскивала в коробке с лекарствами нужные таблетки для Елизаветы Максимовны. — Хватит, поговорили! Больше не надо!

— Некультурные какие... — громко фыркнула из прихожей Элкина мать, возясь с замком. — Правда, Зой? Чего мы такого сказали-то? Сразу давление поднялось, гляди-ка... Помрет еще, а мы виноваты будем! Плохо, плохо мы Элку замуж выдали, красавицу нашу.

Гоша как раз в дверях с ними и столкнулся — из института пришел. Поздоровался вежливо, но в ответ получил только злые кособокие усмешки. Поглядел, как они быстро спускаются с лестницы, пожал плечами, закрыл дверь...

— Мам, чего они? Ты их выгнала, что ли? — зашел на кухню.

— Нет. Сами ушли.

— А почему такие злые?

— Злые? Хм... Нет, это не злость. Это хамство как способ существования. Грубое упрощенное естество, ничего из ряда вон выходящего... Да куда эти таблетки запропастились, господи?

— Какие таблетки?

— Да бабушкины. Эти сволочи тут выступали так, что у нее давление резко поднялось. Они же не понимают, что творят, они уверены, что так надо. И хорошо, что оказались трусливы. Нет ничего страшнее, сынок, наивно воинствующей простоты. И впрямь хуже воровства... А когда простота труслива — это еще полбеды.

Юля говорила отрывисто, коротко, пытаясь справиться с гневом. Но руки все равно тряслись. Нашла наконец таблетки, бегом бросилась в комнату и, обернувшись, сказала сыну:

— Открой дверь, слышишь, звонят? Это Надежда Петровна пришла! Бабушке укол надо сделать.

После укола Елизавета Максимовна уснула, Юля предложила соседке выпить чаю на

кухне.

— Чего она так разволновалась-то? — спросила Надежда Петровна, присаживаясь на кухонный стул и подвигая к себе вазочку с крыжовенным вареньем. — Учти, Юль, ей нельзя... Тем более после операции.

— Да родственники наши новые приезжали, она пообщалась с ними на свою голову... — грустно махнула рукой Юля. — Представляете, требуют, чтобы Елизавета Максимовна квартиру разменяла! Совсем обнаглели. Главное, по-хамски так наступают, что и впрямь в какой-то момент теряешься. Я уж Володе начала звонить, а тут Елизавете Максимовне плохо стало... Хорошо, что вы оказались дома и взяли трубку.

— Погоди... Что значит — требуют? Странные какие. А счета в банке открыть на свое имя они не требуют?

— Так и я о том же. А Елизавета Максимовна разволновалась. Она ж как лучше хотела. Гошу чуть не силой жениться заставила, а тут такое...

— А зачем силой? Что-то я не понимаю ничего.

— Так Элла же в положении! Четыре месяца уже.

— Да не говори ерунды, Юль...

— В каком смысле?! Она беременная, Надежда Петровна. Говорю же, четыре месяца.

— Ох, дорогая моя... Ты не забыла, где я сорок лет своего рабочего медицинского стажа отмотала? Если забыла, так я тебе напомним.

— Ой, точно. Вы же в нашей женской консультации...

— Вспомнила, слава богу. И сколько через мои руки беременных девиц с разными сроками прошло, тоже можешь себе представить. И ты меня будешь учить, кто в положении, а кто нет? Что я, четырехмесячную беременность не увижу? Да если она есть, я ее третьим глазом на расстоянии разгляжу, как герой моей любимой писательницы врач Кукоцкий... Меня-то не обманешь... Опыт, Юлечка, великое дело.

— То есть вы хотите сказать?..

— Да, Юлечка, именно это я и хочу сказать. Не беременна ваша Эллочка, это совершенно точно. Чего ж вы у меня сразу-то не спросили?.. Эх вы, интеллигенция мягкотелая! Обвела вас девчонка вокруг пальца, потому и с разменом квартиры торопится! Ишь какие у нее планы-то наполеоновские! Нет, милая моя, нельзя быть в наше время шибко порядочными, непозволительная роскошь! Даже и слово придумали для порядочных вон какое обидное — лохи... Каждый хам считает своим долгом ногами потоптаться да покувыркаться.

Юля сидела ни жива ни мертва, слушала соседку. Потом выдохнула, подняла на сына глаза...

Не договариваясь, они одновременно поднялись, пошли гуськом в Гошину комнату. Эллка порскнула из коридора, мелькнул край ее розового халатика — подслушивала...

Потом много еще было всякого. И развод, и скандалы. Больше всего проблем было с Элкиной пропиской. По тем временам закон не позволял вот так, за здорово живешь, человека из квартиры выписать. Мало ли что — развод... Прописан человек — выдели ему положенные метры, не грехи. Не можешь — твоя головная боль. Да плюс наскоки Элкиных родственников, одна тетя Зоя как боевая единица чего им стоила. Вспомнить страшно. И все бы ничего, да только бабушка этих потрясений не выдержала, инсульт ее подстерег. Через два года похоронили.

Гоша чувствовал себя виноватым в ее смерти. После похорон решил для себя — никогда

больше. Какие, к черту, загсы да свадьбы, да ни за что! Но... Как говорится — никогда не говори никогда. И какое счастье, что он Варю встретил... Вон она, сидит на веранде кафе, отсюда, из аллеи, уже видно. Можно постоять еще минуту, понаблюдать, как она ждет, как на часы поглядывает. Послушать, как тихо перекачивается внутри нежность, звенит колокольчиком.

Какой он сентиментальный стал, однако! А казалось, успел за эти годы превратиться в законченного и холодного циника, когда переплываешь из одной короткой привязанности в другую, и несть им числа... Долгая вереница, бесконечная. Ухоженно-перламутровая и ни к чему не обязывающая, где слово «любовь» произносится походя, игриво, с единственным и обоим понятным подтекстом. И удобным к тому же подтекстом. Да, сейчас почти все таким удобством это слово пользуют — любовь... Почти все, за редким исключением. Кто-то совсем другой смысл в это слово вкладывает, это уж кому как повезет. Выходит, ему повезло оказаться в редком исключении?

Вообще, если со стороны посмотреть, если уж совсем-совсем объективно, Варюха далеко не красавица. Модной нынче кричащей деньгами ухоженности и вызывающего перламутра в ней нет. А есть небрежно забранные на затылке волосы природного русого цвета, очки в строгой черной оправе, немного растерянное, чуть опрокинутое в себя нежное лицо с робкими покусаниями на мейкап и тоненькая, как у цыпленка, шея, выглядывающая из растянутого ворота серого джемпера. А если прибавить к этому еще и небольшую сутулость... Получается — ничего особенного. Шесть раз мимо пройдешь — не взглянешь и не запомнишь. И друзьям не похвастаешь.

Но. Но!.. Было, было в ней что-то. Может, в жестах. Может, в манере держать себя с робким достоинством. Может, в энергетике интеллекта, который, черт возьми, делает свое молчаливое и «неперламутровое» дело!

Вот и сейчас — медленно посмотрела на часы на тонком запястье, чуть оглянулась через свое сутулое плечико, поправила очки на переносице... А у него сердце зашло. Стоит в кустах, как дурак, смотрит. Оторваться не может. Вот она, зараза-любовь. Попал ты, парень, попал...

На той вечеринке, где они познакомились, он ее вообще поначалу не заметил. Ну, сидит в уголке что-то серенькое, смотрит на всех грустными насмешливыми глазами. Не танцует. Не пьет. Не курит. Нет, а чего тогда сидеть-то? Зачем пришла? Если пришла — будь как все, расслабляйся. А если нет — в библиотеку иди, там и грусти, и насмешничай. Его, если честно, как-то задело даже. Завелся. Подсел к ней с разговорами, с выпивкой, то да се... Сейчас я тебя, мол, серенькая мышка, в два счета обаяю, хоть мне такого добра сто лет и не надо! Тут и без тебя достойные лапочки водятся!

Ага, обаял. Кончилось тем, что предложил ей вместе смотаться с вечеринки. А она вдруг неожиданно согласилась. Встала с дивана, оправила трикотажный джемперок, протянула ему руку — поехали!

А что было делать? Повез ее на дачу к другу. Дальше — тоже все как по писаному сценарию. Она не удивилась и не испугалась, что друга на даче не было. Будто знала — так надо. И отдалась без предварительного жеманства и удивила искренней страстью. Нет, правда, удивила... Может, глупо звучит, но для такой неприличной скоропалительности в отношениях все было нежно и честно, будто они сто лет уже вместе и знают друг друга до мелочей. А потом он, удивленный, учинил ей настоящий допрос:

— Варь, я не понял... Ты с виду такая серьезная, неприступная... Такой вроде чулочек

синенький... Чего вдруг?

— Ты хочешь спросить, как меня угораздило после часа общения в постель прыгнуть?

— Ну да...

— Не знаю, Гош. Сама не знаю.

— У тебя секса давно не было?

— Да. Это правда, давно не было. Года три, наверное. Или четыре... Но не поэтому, нет... Просто для потребности организма я бы в такую даль неизвестно с кем не поехала, да еще ночью. Я ужасная по природе трусиха.

— А сколько тебе лет?

— Почти тридцатник. Я была замужем. Давно.

— И мне столько же... И я был женат... Но ты не ответила на мой вопрос. Почему все-таки?

— Говорю же — не знаю! Наверное, ангел притянул.

— Кто? Ангел?

— Ну да... Я читала где-то, что, мол, ангел сведет с кем надо. И когда он делает свою работу, то убирает из души страх, стыд, препятствия всякие... Надо его просто слышать и идти за ним. Вот я и пошла, наверное. Не отдавая себе отчета.

— А меня, значит, тоже ангел притянул?

— Не знаю. Ты спроси у него.

— А как?

— А вот так... — потянулась она к нему губами. — Поцелуй меня, и он тебе все расскажет...

Да, про ангела, конечно, это Варюхины сказки. Но ведь и впрямь влюбился, никогда такого не было! Так, чтобы сердце исходило нежной болью. Да разве можно сравнить это счастье с прежним комфортом бытия, которое он и принимал за относительное мужское счастье? Когда нет никаких обязанностей, когда веселая подружка рядом, и расставание не приносит печали... Когда мама смотрит на вновь появившуюся подружку вполне снисходительно и терпит ее ночное-утреннее присутствие в доме, и даже халатик может предложить, и новую зубную щетку. И пощebetать за завтраком с Настенькой, или Леночкой, или Дашенькой... Так, ни о чем пощebetать. Все равно они надолго не задерживались. Наверное, он подсознательно таких выбирал. А мама одобряла — тоже подсознательно. Хорошая мама, продвинутая. И это ли не есть мужицкое счастье — жить такой жизнью? Казалось бы — какого еще рожна? Им ведь и в самом деле очень хорошо с мамой жилось на общей территории любви и взаимопонимания. И с портретами отца и бабушки на стене. Только вот на Варю маме понимания не хватило.

Да, он слишком быстро позвал ее замуж. Может, неправильно, на фоне этой нежной сердечной боли. Но ведь она есть эта боль, есть, никуда от нее не денешься! И притяжение — тоже есть. Притяжение, как дар того самого ангела. Притянул, связал в узелок, без которого никак нельзя жить дальше, просто смысла не имеет. Только вместе.

Он, кстати, любил раньше наблюдать за жизнью женатых друзей. И всегда им сочувствовал, чего греха таить. Сочувствовал этой привычке — идти в дом, к семье. Не хочется тебе, а ты иди, понутив голову. Помнится, как Олег Воронов женился, отличный парень... Всем хвастал — вы посмотрите, какую взял, а? Какие ноги, какая грудь... А готовит как вкусно! Потом не знал, как развестись, как детей поделить... И куда, интересно, его чванство мужское делось — какие ноги, какая грудь? Потихоньку перешло в неприязнь?

Да разве можно — глазами жениться?.. Или умом, что еще хуже. Были и такие, которые все по полочкам рассудительно раскладывали — из какой, мол, семьи, какое образование, какой характер... Они, дураки, просто своего узелка от ангела не дождались. Теперь и сами про себя часто говорят — «женился, дурак». Или глазами был «дурак», или умом был «дурак» — у каждого своя интерпретация семейного недовольства. Выходит, он более качественным дураком оказался, тем самым Иваном-царевичем, которому удалось волшебную лягушку на счастье заполучить? Нет, Варька права, права... Надо доверять ангелу. Ангел знает, куда приведет.

Все, надо идти. Варюха уже волнуется. В сумку за телефоном полезла — звонить.

Не звони, Варюха! Вот он я, уже бегу, уже с тобой!

— Ой, привет, Гош! Ты чего опаздываешь? Я уже волноваться начала.

— Я не опаздываю. Я вон там, за деревом стоял, на тебя смотрел.

— Зачем?

— Да так... Мне нравится смотреть на тебя издали.

— А вблизи не нравится, что ли?

— Ну, вблизи... Вблизи тем более. Ты же знаешь. Так мы ужинать будем или нет? Ты заказала себе чего-нибудь?

— Нет, я не буду... Я только кофе и десерт. Гош... А ты маме сказал про нас?

— Сказал.

— И что?

— Да ничего особенного. Конечно, она от радости не прыгала. Но это и не важно, Варь...

— Я ей совсем не нравлюсь, да?

— Варь, это в принципе не имеет значения. Главное, ты мне нравишься. Мы ведь любим друг друга?

— Да, любим...

— Это хорошо, что мы встретились?

— Да, хорошо.

— И мы будем жить вместе?

— Да...

— Всегда?

— Конечно, всегда. Я в этом не сомневаюсь.

— Ну вот видишь... А остальное, я повторяюсь, не имеет значения. Остальное само приложится постепенно. Скоро ты будешь моей женой, а я твоим мужем...

Он вдруг замолчал, глядя на нее рассеянно. И улыбнулся. Отчего-то вспомнилось, как бабушка в детстве заставляла его читать «Войну и мир»... Он сопротивлялся, а она все равно заставляла, иногда читала вслух самые трогательные, как ей казалось, места. С годами все рассеялось, выветрилось из памяти, что для нее у Толстого было особо трогательным. А сейчас вдруг накатило, вдруг вспомнилось! Да так, будто зазвучали внутри все интонации бабушкиного голоса. «Слушай, слушай, Гоша! Это же прелесть что такое! Это так правильно, так верно подмечено!»

А ведь и впрямь — верно. Да, бабушка права... Что там чувствовал Андрей Болконский, когда сделал предложение Наташе Ростовой? Не любовь и не восторг, а что-то большее? Ответственность за нее? И огромную нежность в сердце? Нет, дословно не вспомнить... Да и не надо. А только похожее ощущение и он сейчас испытывал. Да, то же самое счастливое

чувство. Не любовь и не восторг, хотя они тоже никуда не делись по большому счету, а именно ответственность за Варюху, за ее счастье, за ее будущее... Пусть она и не Наташа Ростова в смысле наивности и неопытности, и даже замужем побывать успела... Говорит, брак ее был ранним, студенческим. Надо бы потом расспросить подробнее. А впрочем, не важно. Мало ли что у кого было раньше.

— Ты чего, Гош? Так странно задумался.

— Ничего. Все будет хорошо, Варь. Есть ты, есть я, это главное. У нас даже квартира есть, мое неожиданное наследство! Тетя Люда, добрая душа, позаботилась! Я и не думал даже... И вдруг...

— А кто это, тетя Люда?

— Это бабушкина сестра, старая дева. Всегда молчаливая. Она бабушку любила, очень ей доверяла... Я помню, как тетя Люда приходила к нам по воскресеньям, сидела где-нибудь в уголке, как маленький грустный воробышек. А когда бабушка умерла, ходить перестала, и мы с ней почти не общались. Да и кто я ей? Подумаешь, внучатый племянник! Да еще и не в браке рожденный! А у них, у тетюшек того поколения, знаешь, это важное обстоятельство. Чтобы все было по расписанию, чтобы дети рождались в законном браке. Но игрушки, помню, она мне всегда в детстве хорошие приносила, дорогие.

— Повезло тебе... А меня моя бабушка вообще знать не хотела. Как мама с папой развелись, так все. Нет брака, нет внучки. Тебе еще повезло в этом смысле. А давно твоя тетюшка умерла?

— Нет. Еще и года не прошло. Знаешь, она ничем не болела даже и помощи никогда не просила. Хоть и тщедушная, а крепкая такая была. Но в одночасье легла спать и не проснулась. Тромб во сне, что ли, оторвался, не помню... Мы с матерью на похороны пришли, а на нас другие родственники волком смотрят! Говорят — завещание на квартиру у нее в бумагах нашли, а там я числюсь в единоличных наследниках, сволочь такая, байстрюк наглый. А мне даже и спасибо сказать некому. Только и смог, что памятник хороший тете Люде на могилу организовать.

— Да, бывает же... Значит, она любила тебя.

— Нет, скорее бабушку. Это она бабушке подарок хотела сделать, а не мне. А хочешь, прямо сейчас поедem, посмотрим квартиру? Это недалеко, на Белинского, тоже в центре. Правда, она убитая, надо будет ремонт делать...

— Нет, Гош. Потом. Сейчас мне не хочется. Лучше здесь посидим...

— Ты из-за моей мамы расстроилась, да?

— Ага. Напрягает как-то. И ты не ответил — она именно меня не хочет или вообще не хочет, чтоб ты женился?

— Да все будет нормально, Варь, не бери в голову. Что я, своего Мамьюля не знаю? Ей просто немного времени надо, чтобы привыкнуть. Погоди еще, сама к тебе примчится дружить на всех парусах... Вот увидишь... И вообще, их надо познакомить, как полагается, твою маму и мою. Ты, кстати, своей-то сказала?

— Ой, нет...

— А чего? Все равно ведь скоро придется их знакомить.

— Ну да...

— Вот и будем знакомить. Как там полагается? Чтобы жених с родителями пришел в дом невесты... Просить руки...

— Ой, не надо, Гош!

— Почему?

— Я боюсь...

— Чего ты боишься? Мама замуж тебя не отпустит?

— Нет, тут другое... Я вообще очень переживаю, как она эту новость воспримет. Мама Люба у меня женщина ранимая и в эмоциях непредсказуемая. Знаешь, такой взрослый ребенок... У нас в семье я взрослая, а она — ребенок. Причем ребенок проблемный, испуганный. Но давай пока не будем об этом... Смотри, какой вечер хороший! Ужасно люблю осень...

* * *

Гоша давно прошел по двору и скрылся в арке, ведущей на шумную улицу, а Юля все стояла у окна статуей Командора. Казалось, если отойдет, если расцепит сплетенные под грудью руки, надо будет начинать жить заново. А как заново — она не знает. Лучше смотреть на сентябрь, на буйную липовую желтизну за окном и думать свою испуганную думу...

Вот. Правильно. Хорошо, что нужное слово найдено. Она просто испугалась, и все. И никак не может из этого состояния выйти. Странно даже, она — и не может! Господи, да она все может, чего она только не смогла в своей жизни! Институт закончить с маленьким ребенком на руках — смогла! Работу перспективную найти — смогла! И лбом пробивалась, и на горячей сковородке прыгала, и чего только не было на этой работе! Потому и карьеру, хоть и не ахти какую, тоже сделать получилось. По крайней мере, должность ведущего и высокооплачиваемого специалиста по финансовым проектам очень не просто было занять, для этого дополнительные усилия требовались, и наглость требовалась, и железный характер. А тут вдруг — съежилась... Да разве она похожа на испуганную старую тетку, пусть и накануне своего законного полтинника? Да фиг вам! Еще и фору даст резвым и наглым молодайкам! А если надо, и отстреляться может! Не лезьте, и под пули не попадете!

Нет, правда, чего она так испугалась? Будто жизнь рушится. Но ведь она и в самом деле рушится — такая привычная жизнь... Такая устроенная, такая счастливая... Нет, как без Гоши-то? А смысл?

Наверное, со стороны все ее страхи по меньшей мере смешными выглядят, и каждый мало-мальский доморощенный психолог закидает ее камнями. Ага, вцепилась в сыночка мать-клуша, жениться не отпускает. Удобно ей, видишь ли, около себя сыночка держать. Эгоистка.

Но вовсе она не чувствовала себя матерью-клушей! Она просто любила сына. Просто — жила. Так — жила. Надо же человеку чем-то жить, во что-то себя вкладывать! Ну не образовалось у нее особенных стимулов, так уж случилось. Работа? Да что работа... Цифры, отчеты, продажи, борьба. Надо все время быть в тонусе, иначе затопчут. Нет, рабочий тонус — это не стимул жизни. Стимул — это другое. Это дом, любовь, дух счастливый. Дом — это хорошо... Уют, чистота, котлетки сыну на ужин, чистая рубашка, его улыбка приветливая по утрам. А по вечерам — ожидание с работы... Да, был смысл и уютом заниматься, и кухней, и счастливой себя чувствовать. Принять за суррогат семейного счастья. Ей хватало...

Какая у них с Гошей была хорошая жизнь! Легкая, веселая. Даже в отпуск иногда вместе ездили, нисколько не отягощая друг друга. Ни разу она не почувствовала себя ненужным отработанным материалом, как чувствуют свою ненужность детям женщины в ее возрасте.

Привыкла к хорошему. Расслабилась... Ага, ага... Давайте, дорогие психологи доморощенные, кидайте в меня камнями.

Да, конечно, это неправильно. Кто спорит? Да, эгоизм с ее стороны. Но поесть сладкое — тоже неправильно и вредно. Но ведь все едят. И доморощенные психологи тоже.

Ох, надо себя ломать... Конечно, надо, чтобы он женился спокойно. Чтобы ушел... Так надо. Так надо... Так надо!

Неблагодарное дело — саму себя уговаривать. И бесполезное. Похоже на присказку про чай. Если повторять все время — сладко, сладко, сладко, — то чай слаще не будет. Ладно. Надо отвлечься как-то. Пойти, что ли, Гоше рубашку погладить? Он же привык, чтобы каждое утро... Тем более он еще не женился. Никто еще рубашку ему не погладит и сырников на завтрак не приготовит. И телефон звонил несколько раз, она слышала... Надо заняться делами! А там, глядишь, и перепуг сам собой рассосется. Нет, правда, что случилось-то? Это разве беда — сын женится?

Гоша пришел поздно, но она не спала. Рада была бы уснуть, да где там! Встала с постели, накинула халат, вышла на кухню. Гоша стоял, повернувшись спиной к окну, с удовольствием уплетал холодную котлету.

— Давай, я разогрею... Голодный, что ли?

— Ага, голодный. От Вариного дома пешком шел.

— Зачем?

— Да так... Пройтись захотелось. Осенью подышать, ночным городом.

— Каким ты романтиком заделался, однако...

— А что, смешно выгляжу?

— Не знаю. Никогда не гуляла ночью одна по городу. Я скорее прагматик в этом смысле.

— Нет, ты не прагматик. Ты тоже очень романтичная, я знаю. А я весь в тебя. Кстати, мам, ты не передумала?

— Ты о чем, Гош?

— Ну, сердиться на меня... Не передумала?

— Я вовсе на тебя не сержусь! С чего ты взял!

— Тогда пойдем в субботу к Варе?

— Я? К Варе? Зачем?

— Ну, как там это называется... Сватать. Знакомиться с Вариной мамой. Что там еще происходит, не знаю? У вас товар, у нас купец?

— А ты уже успел забыть, как это происходит? Не помнишь, как побывал в этих купцах? И как тебе там было?

— Мам, ну зачем ты опять?.. Это так давно было. Тем более мы же договаривались — не вспоминать.

— Да ни о чем мы не договаривались. Просто у тебя память короткая, только и всего.

— Значит, не пойдешь? Я правильно понял?

— Да, ты правильно понял. Не пойду. Не хочу. Вот убей меня, не хочу, и все! Просто я знаю заранее, чем это кончится...

— Ну, как хочешь. Тогда мы сами. Я завтра соберу вещи, перееду в тети-Людину квартиру. Мы с Варей там будем жить.

— Вот и поживите, и узнайте друг друга лучше, зачем сразу в загс-то бежать! Да кто вообще сейчас женится? Все живут в гражданском браке!

— А я не хочу, мам. Я хочу нормальную семью.

— А гражданский брак — это не нормальная семья?

— Нет.

— А какая?

— Суррогатная. Как растворимый кофе. Вроде и кофе, и в то же время совсем не кофе.

— Это твоя Варя такая умная, да? Это она растворимый кофе не любит?

— Да, не любит. И я не люблю.

— Но ведь пьешь?

— Пью, когда нет возможности сварить настоящий. Но мы опять не в тему, мам...

Поможешь мне завтра вещи собрать?

— Господи, Гош... Да как вы там жить будете, в этой квартире? Там же нельзя жить, она совсем убитая!

— Я ремонт сделаю.

— Ты хоть представляешь себе, каких денег нынче хороший ремонт стоит? А у тебя еще кредит за машину не выплачен... Это нерационально, Гош!

— Ну да... Тебя послушать, так все нерационально. И жениться тоже нерационально.

— Да! Надо все просчитывать и все делать правильно! Лучше вообще не делать, чем абы как! Надо сначала выплатить кредит за машину, потом сделать ремонт, а потом о женитьбе думать. Можете ведь пока просто встречаться, можешь даже к себе ее приводить, я ж никогда тебе не мешала жить своей мужской жизнью...

— Мам, ты о чем? У нас уже на пятницу поход в загс запланирован, чтобы заявление подать... А месяца через два, я думаю, регистрацию назначат. А может, и раньше, потому что мы только расписаться хотим, то есть никакого торжественного Мендельсона не требуется. Мне, по крайней мере, точно не требуется.

— погоди... Как, в следующую пятницу? Так скоро?

— Да, вот так... А ты с Вариной мамой даже познакомиться не желаешь! Пойдем, а?

— Да никуда я не пойду знакомиться! Надо же, в следующую пятницу... Через неделю, значит... Нет, это без меня, понял? Знать никакую маму не хочу! Отстань от меня, даже не заговаривай об этом больше! Все, я спать пошла...

* * *

Люба подняла глаза от книжки к темному окну, вздохнула — что-то Вари долго нет... В последнее время стала совсем поздно возвращаться. Опять, наверное, с этим Гошей гуляет, и откуда он только взялся, интересно! Говорит, на вечеринке познакомилась...

Странно, отчего думается об этом Варином кавалере так неприятно. Вроде радоваться надо — у дочери какая-никакая личная жизнь появилась, и слава богу, и хорошо! Так нет ведь! Ужасно тревожно на душе. Лучше не думать, лучше в книгу смотреть...

Книга была старая, с желтыми хрупкими страницами. «Анна Каренина», издание Сытина 1914 года. Коллекционная, в библиотеке взяла. Отчего бы и не взять, пользуясь служебным положением? Не навсегда, конечно, на время... Чтобы дома посидеть, полистать спокойно, сидя в кресле, под желтым светом торшера. На работе не сядешь с таким комфортом, не считаешь. Хоть народу и мало нынче в библиотеку приходит — за день посетителей можно по пальцам пересчитать, — но забот все равно хватает. Как и на всякой честной службе, наверное.

«...Положение было мучительно для всех троих, и ни один из них не в силах был бы прожить и одного дня в этом положении, если бы не ожидал, что оно изменится и что это только временное горестное затруднение, которое пройдет...»

Ах, как точно и красиво сказано — временное горестное затруднение... Лев Николаевич, вы гений, гений. Хотя и не люблю я вас так сильно, как Бунина или Куприна. А этих, которые нынешние, совсем не люблю. Может, за редким исключением...

Лампочка в торшере мигнула и погасла, будто дух Льва Николаевича рассердился за такое ее небрежное отношение к «этим, нынешним». Люба вздрогнула и застыла, глядя в темное окно, за которым нагло заглядывал в комнату желтый диск луны. Надо бы встать из кресла, пойти поискать новую лампочку... Да есть ли она? Наверняка нет. Надо сказать Варе, чтобы завтра купила.

Нет, а хорошо в сумерках... Романтично. И луна вовсе не наглая, а забавная такая, как детский мячик. У кого-то стихи есть про сумерки, очень милые... Недавно попались в одном поэтическом сборнике... Ах да, Иннокентий Анненский, забытое сейчас имя! Как же там...

Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по дому,
Тут же с вами иная среда,
Где живем мы совсем по-другому?

Ой, дорогой Иннокентий, мерещится, еще как мерещится! Особенно мне, женщине с рождения впечатлительной... Такой впечатлительной, что сижу и с классиками да с поэтами беседую! Не дай бог, если кто услышит... Не поймут. Сразу смирительную рубашку наденут. И ведь не объяснишь никому природу своих странностей!

Да, у нее была исключительная память на стихи, но только на те, которые ложились на сердце. И оставались там навсегда, с первого прочтения. Такая вот сердечная выборочная память, живущая своей жизнью. Много, много скопилось в сердце стихов... Она могла читать их сутками напролет, было бы кому! Жаль, не было рядом благодарного слушателя. Можно было бы, конечно, Варе читать, но она так уставала на работе, не до стихов ей было. Морщилась, просила виновато — мамочка, давай потом, позже...

Кстати... А как дальше-то у Иннокентия Анненского? Что-то про глаза... А, вот...

С тенью тень там так мягко слилась,
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.

Да... Друг в друга — это хорошо. Это счастье, когда друг в друга можно «лучами незримыми глаз»...

Люба вздохнула, огляделась, всматриваясь в полумрак. Тени бродят по комнате... Проехала по двору машина, свет фар выхватил на секунду кусок потолка с люстрой, книжный стеллаж... Успело сверкнуть золотым тиснением собрание сочинений Гоголя на четвертой полке и спряталось в темноту. И правильно, Николай Василич. Сиди уж там, не

высовывайся. В темноте с тобой как-то не очень уютно себя чувствуешь.

А книг много, весь стеллаж забит, от пола до потолка. На работе библиотека, дома библиотека. Такая вот жизнь...

Нет, не сказать, что плохая. Дело не в этом. Просто много в ней накопилось энергетики чужого таланта. Столько всего прочитано, будто выстрадано вместе с классиками... Много, много чего внутри накопилось. А самое главное — стыдно даже подумать в ее возрасте! — ощущение не востребованной любви тоже накопилось. Кажется, уж она-то теперь все знает про чувства... Жалко, нет рядом благодарного объекта. Живого, настоящего мужчины, а не Льва Николаевича с Федором Михалычем или все с тем же Николаем Василичем, не в сумерках будь помянутым.

Да, того самого, живого и настоящего, в ее жизни, можно сказать, вообще не было. Даже в памяти не было, как у всякой порядочной женщины. Некого было любить. Некого было вспомнить с любовью. Даже имя свое ни разу не оправдала — Любовь. Жалко.

Правда, был муж когда-то, Варин отец. Но она его не любила совсем... Она его боялась. Она тогда всех людей боялась, не получалось у нее дружбы с социумом. Да и чего с нее взять? Сирота пугливая. Когда из детдома выпускалась, определили ее не в ПТУ, как большинство ребят, а в библиотечный техникум. Директриса постаралась, зная ее страсть к чтению. А может, пожалела по-человечески. Так и говорила, глядя на нее и тихо вздыхая — ну какая из тебя, Любочка, может получиться пэтэушница, ос-с-спади... Съедят же вместе с потрохами и не подавятся. А в библиотечном техникуме общежитие хорошее, девочки все тихие, смирные. Напротив аккурат здание строительного техникума расположено, может, ты, Любочка, и жениха себе приличного найдешь, бог сироту не обидит... Уж ты постарайся, Любочка, жениха-то найти порядочного, который о тебе позаботится. Потому как после техникума тебя в библиотеку распределяют, а там на их зарплату не разживешься, даже угол не снимешь...

Напугала она ее тогда этим «углом». И в самом деле, куда податься сироте? Только замуж за того, который «позаботится». То есть который этим самым «углом» способен обеспечить. Это сейчас всем сиротам детдомовским жилплощадь от государства положена, а раньше — кто с таким делом разбежится? Ага... Выживай как хочешь, на общих, так сказать, основаниях.

Жених и правда нашелся. Приличный. Основательный. Звали его Коля Трифонов. Бука и молчун был Коля, слова из него не вытянешь. Она и не вытягивала никаких слов, тоже помалкивала, когда Коля приглашал туда-сюда прогуляться. Так и ходили в молчании. Правда, иногда Коля не молчал, а вдруг проговаривал что-нибудь односложно-сердитое, когда видел совершающийся на его глазах беспорядок. Мог дворника дураком обозвать за то, что неправильно клумбу из шланга поливает. А парикмахершу — «сукой безрукой» за плохую, по его мнению, стрижку. Официантку в кафе за несвежую скатерть таким словцом однажды припечатал, что она всхлипнула и убежала в слезах... Очень, очень Коля порядок любил, чтобы все было аккуратно и правильно. Когда глядел исподлобья на кого-нибудь из «неаккуратных» и наливался багровым возмущением, она его боялась — жуть... И от страха мелко трясла головой, вроде как с ним соглашаясь, и улыбалась подобострастно — да, Коля, да... Ей в тот момент казалось, что и она тоже возмущена беспорядком. И что все «приличные» и «порядочные», за кого надо замуж выходить, именно такие и есть, как ее кавалер Коля. Тем более что он и сам про себя говорил — видишь, какой я порядочный, до свадьбы ни-ни... Даже с поцелуем не лезу...

Разве ж она знала, что эта «порядочность» скорее похожа на психическое расстройство, чем на положительное качество жениха? Да и она — чем лучше была? Вбила себе в голову страх — замуж надо, замуж... Чтобы заботился, чтобы порядочный был... Замуж, только там для нее спасение! Отступить после техникума некуда, позади Москва! Податься некуда, жить негде, угол снять не на что! А у Коли проблема «угла» была как раз решена — его бабушка к себе прописала. И вскоре на тот свет отправилась, оставив внука завидным женихом с «углом». Тут и к свадьбе дело пошло, и к знакомству с будущими родственниками...

— Ты че, Колька, совсем охренел, общежитскую девку замуж берешь? — огорошила его вопросом мама, не стесняясь присутствия невесты. — Да еще и детдомовскую к тому же?

— Да че ты, мам, все нормально. Я думаю, наоборот, правильно. Зато всю жизнь благодарна будет, уважать будет, — пояснил свою позицию Коля. Тоже, кстати, не стесняясь присутствия невесты.

Они вообще оказались такие — нестеснительные, мама с сыном. И всегда нежно лелеяли свою правоту. И всегда имели право на возмущение. А она, наоборот, права не имела, потому что не оправдала их доверия. Неумехой оказалась. Неаккуратная была. Готовила и стирала неправильно. Непорядка в доме было столько — никакого возмущения не хватит. Хоть и старалась изо всех сил, изнемогала вся от старания. Да только не учат девочек в детдоме науке домашнего хозяйства, не умеют они ничего толкового в принципе! Нет, были, конечно, уроки домоводства, стряпали они там хлеба какие-то... Но ведь это надо изо дня в день видеть, в этом надо жить, чтобы с мамкой, чтобы каждодневно и ненавязчиво... Но не объяснишь же этого Коле. И свекрови не объяснишь. И тем более не объяснишь, почему она «с книжкой засела», когда окна не мыты и полы до идеальной чистоты не надраены. А если еще и борщ мужу не сварен, так вообще — расстрел на месте. Да она и не мечтала про книжку, тем более Варенька через год родилась.

Так они дотянули до Вариных семи лет, больше Коля не смог. Не выдержало его правильное сердце такой горькой неправильности. Всем так и говорил — от горя развожусь, плохая жена попалась. Вроде и суетится она, и старается, а толку — никакого. Не всем дано, не всех баб в макушку боженька может поцеловать. Только избранных.

Она к тому времени совсем затурканная стала. И в голову не приходило, чтобы за себя постоять. Конечно, когда тебя ругают каждый день, пальцем в неправильность тычут и досадают без конца, то и в самом деле поверишь в отсутствие боженькиного поцелуя... Еще и свекровь захотела ее из квартиры выгнать. Но на сей раз Колина правильность сыграла для нее роль скорее спасительную...

— Мам, да ладно, пусть живет. Ты посмотри на нее, мам... Куда это чудо в перьях пойдет? Неумеха... Да еще и с ребенком. Не, мам... Пусть живет, не изверг же я...

— Ишь ты, добрый какой! Квартира-то мамы моей, между прочим! Я здесь росла да воспитывалась, а теперь, значит, отдай! Она тебя как любимого внука прописала, думала, жить счастливо будешь... А ты... Обидно же, сынок!

— Мам, да куда ж теперь ее девать-то?

— А зачем женился? Я ж тебе говорила, говорила!

— Да дурак был... Думал, тихая такая, домашняя...

— Да откудова домашняя-то, если детдомовская?

— Я думал, воспитаю. Да ладно, мам, чего уж теперь. Все равно на улицу с ребенком не выгонишь.

— Ну да, засудят еще. У нас ведь закон что дышло. Пусть остается пока, а там видно

будет...

Коля ушел к маме, а она вздохнула свободно. Хотя, конечно, трудно жилось на библиотечарскую зарплату, алиментов Коля не приносил ни копейки, вообще будто забыл про них с Варей. Иногда денег даже на хлеб не хватало. Плакала ночами, все думала, как будет дочку растить. Но все равно — без Коли лучше было! Зато можно было читать сколько душе угодно! Компенсировать свои ночные страхи и слезы!

Помнится, как однажды начальница на работе грустно усмехнулась в ее сторону:

— Любаш... Чего у тебя глаза все время заплаканные? Ну, бросил муж, с кем не бывает. Сколько можно носить в себе этот незавершенный гештальт?

Начальница тогда на модных психологических курсах училась, мечтала профессию сменить, вот и козыряла новыми знаниями. Да не на ту напала...

— Вы думаете, это мой бывший муж — незавершенный гештальт? Что вы, отнюдь... Мое замужество было всего лишь попыткой найти проводника в социуме. Социум — вот мой незавершенный гештальт. Но вряд ли он когда-нибудь завершится, это у меня первородное.

Начальница моргнула, глянула на нее с уважением. Вроде того — наша молчунья заговорила, да как умно заговорила, сразу и не поймешь, о чем толкует! Но головой важно покивала — да, понимаю, мол, а как же. А потом двигать ее по служебной лестнице начала. Хотя — какая уж там служебная лестница в библиотеке? Но до заведующей отделом дослужилась-таки, а там зарплата, что ни говори, на порядок выше. Тоже не ахти, но все равно жить легче стало, ночами от страха уже не плакала.

Варя росла тихой, спокойной девочкой, хорошо училась. И все девчачьи пубертатные комплексы как-то ловко проскочила, колготки в сеточку на себя не напяливала, бормотуху в подъездах с подружками не распивала. Наверное, потому, что читала много. Сначала все подряд, потом выборочно. После школы легко поступила в университет на юридическое отделение, хотя конкурс был огромный. Умница, что еще скажешь.

Когда Варе исполнилось восемнадцать лет, нарисовался к ним Коля. Они обе одинаково растерялись, глядели на него настороженно.

— Ну, чего смотришь? Угости отца чаем! — скомандовал Коля, и Варя развернулась, послушно пошла на кухню.

Коля пошел за ней, уселся по-хозяйски на табурете, показал глазами ей, застывшей в кухонных дверях, на Варю:

— Ишь, какая выросла... Моего вообще ничего нету, вся в тебя, такая же ивушка-березонька вялая. Неправильно это. У меня сынок в новом браке, весь в мою основательную породу пошел.

Варя лишь плечом дернула, а она подумала про себя — и слава богу, что ничего твоего нет. Это была бы катастрофа, наверное, если бы Варя в твою породу пошла.

— Ну, как вы тут живете? Замуж не вышла, Люба?

— Нет, Коля, не вышла.

— А я женился, и правильно на этот раз женился, хорошую бабу взял, боевую, хозяйственную. Огонь-баба, все у нее в руках горит! Что тебе обед, что тебе варенья-соленья, все хорошо умеет. Правда, с ребенком баба... Дочка при ней, но это ничего. Воспитаю, как свою...

— Хм... — дернулась Варя, то ли усмехнулась, то ли возмутилась.

Коля глянул на нее исподлобья, вздохнул, заговорил тяжело, будто камни ворочал:

— Я чего, собственно, пришел-то... Я документы принес. Хочу квартиру

приватизировать. Вам надо в двух бумагах расписаться — вот тут и тут, — ткнул он квадратным пальцем в бумаги, аккуратно подшитые в пластиковую папочку.

— А можно посмотреть? — тихо спросила Варя.

— Чего тебе посмотреть? — удивленно поднял бровь Коля.

— Ну... Статус документа посмотреть, где мы будем с мамой расписываться.

— Ишь ты, статус! Умная какая! Понимала бы чего.

— А чего тут понимать? И без того все понятно. Это, наверное, наш отказ от права на свою долю? Мы ведь с мамой здесь прописаны.

Она видела, как глаза у Коли начали наливаться гневом. И пронеслось в памяти Колино сакраментальное, благополучно забытое — что я, изверг, что ли... Пусть живут... И поспешила сгладить ситуацию, подсаживаясь к столу:

— Мы все подпишем, Коль... Спасибо тебе. И маме твоей спасибо. Ей, наверное, до сих пор обидно, что я в этой квартире живу?

— Мама умерла два года назад.

— Ой, а я и не знала.

— Ничего. Подписывай давай. Вот здесь и здесь. И ты, Варвара. И не гляди на меня так! Вон мать лучше послушай! Она тебе объяснит, что к чему. Я должен собственником быть, это справедливо. Мне ведь только и надо, чтобы справедливость соблюсти, а так чего, живите себе. В жизни все должно быть правильно, запомни, Варвара!

— Хорошо. Я запомню.

— Молодец. Вот тебе, Варвара, мой телефон, звони. Или приходи, с братом познакомишься.

— Спасибо.

— Ну, ладно, пошел я тогда.

— А чай?

— Расхотелось чего-то. Дома попью. Бывайте здоровы. А ты заходи, Варвара. Иначе как-то неправильно получается, дочь все-таки.

Коля ушел. С тех пор они его не видели.

Люба махнула в темноту ладонью, отгоняя дурное воспоминание. Мысли медленно перетекли в настоящее... Интересно, который час? Надо встать из кресла, на часы глянуть... Не задремать бы тут, в темноте.

Как же, однако, Варя загулялась долго. Наверное, голодная придет. Хотя она на ночь не ест, худобу свою сохраняет. Но все равно, надо бы встать, пойти на кухню, приготовить легкий салатик. Должна же быть дочери от нее хоть какая-то польза! Пусть маленькая польза, выраженная в бытовой материальности. Варя так много работает. Весь дом, весь быт на ней держится. Еда, одежда, квартплата. И работа у нее трудная, суетливая. А что делать? Не подсуетишься — не заработаешь. Бедная, бедная девочка... На мамкину-то зарплату библиотекаря по нынешним временам не проживешь, с голодухи помрешь. Нет, все-таки Варя умница, сумела выскочить из «книжного» витания в облаках. А ведь была ей туда прямая дорога, если по психотипу. Коля-то прав, дочка вся в мамку пошла, такая же книжница-созерцательница, ивушка-березонька вялая. И когда в институт поступила, такой была...

Оттого, наверное, и влюбилась на первом курсе, да так, что голову от любви потеряла. Даже до загса с потерянной головой добежать успела. И привела молодого мужа в дом...

Ох, лучше не вспоминать, как они вместе жили. Поначалу еще туда-сюда, а потом юный

зять раздражаться начал. Чем-то он ей мужа Колю Трофимова напоминал, может, похожим посылом гневливого раздражения... И книжки его тоже раздражали. И тоже в разговоре двух слов связать не мог, но чтобы «поесть» и чтобы «порядок был» так же исправно требовал. Да и было у них, в принципе, и «поесть», и порядок был относительный. Ну да, не стерильно, конечно. Тем более к тому времени домашняя библиотека значительная собралась. А это, хочешь не хочешь, но пыль... Особенно на верхних полках.

Она, как умела, старалась угодить зятю, чтобы не злился. Когда он ужинать садился, тоже на кухне пристраивалась, пыталась ему стихи читать. Хорошие стихи, Ахматову, Цветаеву, Веронику Тушнову. Самые лучшие стихи! А у него было такое лицо... Будто зубы болели.

А однажды к ним в гости его мама приехала. И она услышала случайно, как та шипит на сына:

— Что, лучше не мог найти, да? Глянь, какая нищета хренова... Книг много, а диван старый, продавленный. Еще и с этой дурной перепелкой в придачу. Такую тещу искать будешь — с поиском не найдешь! Эх, и угораздило же тебя, сынок.

Она Варе ничего про это не рассказала, конечно. Да и незачем было — все равно любовь по швам затрещала, разругались молодые в пух и прах, зять собрал вещи, ушел. Варя на развод заявление подала. Это уж потом, когда их развели, решила спросить:

— Варь... А почему его мама меня дурной перепелкой назвала? Что она имела в виду?

— Да не обращай внимания, мам. Дурак он. И мама у него такая же. Просто я ошиблась. Ничего, мам, бывает, приму в качестве опыта. Зато я одно обстоятельство хорошо усвоила — пора мне на жизнь по-другому смотреть. Иначе пропаду ни за грош. Вот так-то, мам.

И в самом деле, она взялась за себя, другой стала. Хотя... Кто его знает, хорошо это, плохо ли... Будто сама себя в осьмушку свернула и вглубь самой же себя засунула. Снаружи — деловая и прагматичная, а внутри — осьмушка. И что в этой осьмушке — ей одной только и ведомо...

О, ключи в замке зашуршали, дверь тихо открылась. Ну да, света в окнах не видно, Варюша думает, она спит... А салатик так и не приготовила!

Откинула плед, вышла в прихожую.

— Добрый вечер, доченька.

Варя вздрогнула, потом выдохнула тихо:

— Чего ты меня пугаешь, мам. Я думала, ты давно спишь.

— Нет, я не сплю. Сидела в кресле, читала, потом в торшере лампочка перегорела.

— Понятно. И ты предпочла сидеть в темноте. А вернуть в торшер новую лампочку уже не судьба, да? Или верхний свет включить?

— А разве у нас есть запасные лампочки?

— Конечно, есть, мам. Я покупала.

— Какая же я все-таки безалаберная, Варюш!.. Ты на меня сердисься, да?

— Нет, с чего бы? Когда я на тебя сердилась?

— Ну да... Никогда не сердисься. Ты голодная, наверное?

— Нет, я в кафе была.

— Это с тем самым молодым человеком, да? Забыла, как его зовут.

— Его зовут Гоша, мам.

— Гоша, Гоша... А полное имя, значит, Георгий? Что ж, хорошее имя. А у тебя с ним что-то серьезное намечается, да?

— Да, у нас намечается что-то очень серьезное, если можно так выразиться. Более чем. Я замуж за него выхожу, мам.

— Что?! Замуж? Опять? Но как же так, Варя... Опять на те же грабли...

— Да почему сразу на грабли? Зачем ты так? Или ты считаешь, мне вообще, в принципе замуж ни за кого выходить не надо? Всю жизнь одной жить?

— Ну почему же — одной... А как же я, Варенька? Впрочем, прости, прости. Я все не то сейчас говорю, я просто растерялась, ты меня своей новостью огорошила... Да, это большой эгоизм с моей стороны, я понимаю. Что ж... А он здесь будет жить, с нами?

— Нет. У него есть квартира. Мы там будем жить.

— А я? А как же я, Варенька? Я здесь совсем одна останусь?

— Мам... Возьми себя в руки, пожалуйста. Ты сейчас глупые вопросы задаешь.

— Глупые? Да, конечно, глупые. Да, да, конечно... Я все понимаю...

Не удержалась, всхлипнула. Понимала, что Варя права и ведет она себя действительно глупо, но остановиться уже не могла. Иногда жалость к себе бывает сильнее здравого смысла.

— Мам, ну чего ты плачешь?.. Ну прекрати, пожалуйста, — виновато поплелась Варя за ней в комнату, села рядом на диван, обняла за плечи.

— Не обращай на меня внимания, Варенька. Это я так, на эмоции. Фу, как глупо со стороны выгляжу!

— Да успокойся, мам, все будет хорошо. Надо же нам когда-то оторваться друг от друга!

— Да, да, ты права...

— А чего тогда опять плачешь?

— Не знаю. Не могу остановиться. Слезы сами бегут... Ничего, сейчас лягу спать и успокоюсь. Ты иди к себе...

Не смогла она успокоиться, наоборот, плакала в подушку еще горше. Слышала, как Варя в своей комнате тоже вздыхает, ворочается. Потом Варя встала, прошлепала босыми ногами на кухню, принесла ей воды.

— Мам, ну перестань, пожалуйста... Я тоже так не могу...

— Все, все, доченька, я уже не плачу! Правда, все хорошо! — прогундосила на слезной оптимистической ноте, садясь на постели и отпивая воду из керамической кружки. — А скажи мне, кто у этого Гоши родители? Кто отец, кто мать?

— У него нет отца. Одна мама.

— А! Ну я так и знала. Значит, он избалованный маменькин сынок. Мальчик, выросший в семье без отца, изначально женоподобен! Представляю эту его матушку...

— А зачем представлять, мам? Познакомишься, сама увидишь. То есть... Со временем познакомишься.

— А ты сама с ней знакома?

— Так, мельком. Пока шапочно.

— А знаешь, Варь... Только ты не обижайся, но я честно тебе скажу. Как-то я не горю желанием с ней знакомиться. Хватит с меня одного знакомства со сватьей. Помнишь, как это было? Перепелкой меня назвала...

Варя ничего ей не ответила, лишь тихо вздохнула.

— Нет, Варюш, не хочу, и не уговаривай... Ты уж сама как-нибудь, ладно? А меня избавь... Знаешь, я к новым знакомствам стала болезненно относиться. Избавь, избавь!

Варя снова вздохнула, снова промолчала, глядя на свои голые ступни. И вдруг стало ее

ужасно жалко... Ну куда, куда ты опять вляпываешься, мой бедный ребенок? И она ведет себя не как мать, а как предательница...

— Ладно, мам, я тебя услышала. Давай спать! — встала Варя с дивана, забирая у нее кружку. — У меня завтра день трудный. Спокойной ночи!

* * *

Утром Юля встала с трудом. То есть момент пробуждения уже был плохим, и бодря песенка телефона в режиме будильника показалась ужасно противной. Захотелось прихлопнуть его ладонью, как занудного комара, чтоб не верещал.

Поднялась с постели со стоном. Это она-то — со стоном! Всегда вскакивала легкой птичкой, бежала в душ... Она даже сама с собой в такую игру играла — чтоб напрячься всеми мышцами, чтобы выскочить из-под одеяла пружинкой и потянуться вверх, чувствуя хорошо отдохнувшее за ночь тело. А по пути в ванную стукнуть кулаком в дверь Гошиной комнаты — ваше величество, поднимайтесь, в нашем государстве сегодня рабочий день, нас ждут великие дела. Если Гоша один был, естественно. Если с подружкой — ни-ни, мимо двери только на цыпочках. Как она любила эти их совместные утренние часы! Когда лица еще свежи и улыбочивы, когда солнце в окно, когда пахнет кофе и тостами... Есть, есть особая прелесть в утреннем домашнем времени. Эти короткие десять минут, отведенные на совместный завтрак, дорогого стоят. Дураки те, кто не ценит, кто хватается зубами свой бутерброд на ходу, вечно опаздывая...

В это утро она прошла мимо двери Гошиной комнаты, не постучав. Пусть сам просыпается. Что она ему, нянька? Ничего, скоро жена будет будить.

А потом зеркало в ванной преподнесло сюрприз. Глаза! Почему веки такие набрякшие, будто всю ночь подушку слезами мочила? Но ведь не было ни одной ночной слезинки. И под глазами круги. И кожа на лице вялая, бледная, как сырая картофелина на срезе. Такое чувство, будто за одну ночь те десять лет, на которые она моложе выглядела, вернулись и расположились на лице по-хозяйски. Еще и усмеваются в зеркало. Сколько тебе годков-то, милая? Забыла, да? Если забыла, так иди, погляди в паспорт, про нас там все подробно прописано.

Вот что значит стресс. Не любит женский организм плохих новостей. Вполне адекватно на них реагирует. А если б еще и всплакнула?

Гоша, наоборот, вышел на кухню веселым. Только видно было, что веселость его нарочитая. Хотел, наверное, чтобы все было, как раньше. Она бы тоже хотела, но — как? Все равно прежнюю интонацию не поймает.

— День сегодня хороший будет, — вяло произнес Гоша, глядя в окно и делая первый глоток кофе. — Такая осень нынче выдалась — красота.

— М-м-м... — кивнула Юля головой, не разжимая губ, давая понять этим насмешливым мыканьем: что ж, мол, давай, про погоду поговорим... Нам ведь больше и поговорить не о чем...

— Мам, ты плохо выглядишь. Спала плохо, да?

— Хм... Вопрос можно считать риторическим? Отвечать не обязательно?

— Ой, да перестань, пожалуйста. Ну что ты капризничаешь, а? Не понимаю тебя... Я ж знаю, что ты не такая.

— Может, и не такая. Будем считать, что у меня временное помрачение рассудка. Те, у кого бывает временное помрачение рассудка, разве осознают свои действия? Ведь нет?

— Да, хорошо бы временное... А то я прямо пугаюсь, мам.

— Не пугайся, сынок, — не приняла она его старательно шутливого тона. — Ты уже большой мальчик. Тебе тост с маслом и сыром или с маслом и медом?

— С маслом и сыром... А может, ты просто устала, мам? Заработалась? Может, тебе в отпуск надо?

— Я недавно была в отпуске. Ты же знаешь. В Италию ездила. Ешь быстрее, а то опоздаешь.

— А ты?

— Я не хочу.

— И даже кофе не выпьешь?

— Не хочу. На работе попью. Ладно, я пошла, опаздываю уже.

[Купить полную версию книги](#)